

III. Безысходность и отрицание очевидного

- 5. Конец изобилию

5. Конец изобилию

“ Хотя в прошлом прогресс и имел место, его ускоряющаяся кинетика указывает на то, что он — временное явление в человеческой истории.

— Гюнтер С. Стент. На пороге Золотого Века, с. 94.

“ События, происходящие в настоящее время... не предвещают внезапное наступление всемирного голода. Очутившиеся на обочине люди медленно будут засасываться трясиной безнадежной нищеты. Одни будут продолжать срывать плоды, которые приносит земля, другие окажутся в кварталах бедноты Африки, Азии и Латинской Америки. Будет ли этот процесс обнищания проходить спокойно — другой вопрос.

— Эрик П. Экхольм. Потеря почвы: экологический стресс и перспективы мировых запасов питания, с. 187.

“ ... проблемы внутри страны и замедление [экономического] роста могут заставить промышленные страны отказаться от их международных обязательств и сократить свою помощь другим государствам.

— Эдвард Ф. Реншо. Конец прогресса: Приспособление к экономике нулевого роста, с. 295.

“ ...если поставить в страны третьего мира ресурсы и знания, населения этих стран могут быстро освоить современное производство и технологии, и обогатиться до невиданных размеров, тем самым устранив бедность.

— Дэвид Горовиц Устранение бедности, с. 165.

“ На протяжении всей истории американцы утверждали, что самое лучшее еще впереди.

Новая ситуация

Пока мы не научимся видеть причины (а не идеологии), приведшие к Эпохе Изобилия и ее окончанию, мы не сможем понять, в чем состоит наше будущее. Для изобилия и свободы существовали экологические предпосылки. Эти предпосылки закончились; поэтому сохранение всех социальных благ, которые они гарантировали, скорее всего, невозможно — по крайней мере, в том объеме, который был до сих пор.

Остальной мир не может более рассчитывать на достижение высокого уровня жизни, к которому привыкли американцы. Даже там, где достигнут высокий уровень жизни, он находится под угрозой [1]. В отличие от Нового Света, ранние демократические структуры которого подпитывались избытком несущей способности, современная эпоха, зависящая от ископаемого топлива и дефицита несущей способности, угрожает свободе [2].

Традиционные (неэкологические) интерпретации истории только скрывали истинную природу наших бед. Давайте теперь с высоты первых четырех глав попробуем проанализировать прекрасную "американскую мечту", рассмотрим ее экологический базис и займемся анализом последствий от разрушения этого базиса.

Американская мечта

Совсем недавно земля и ресурсы американского континента казались неисчерпаемыми. Люди Старого и Нового Света свято верили, что Америка предлагает беспрецедентные возможности для достижения легкого успеха. Пионеры-колонисты были готовы вести борьбу, но эта борьба была главным образом с природой и другими биологическими видами. Деревья, занимавшие пространство, на которое претендовали люди, вырубались; нежелательные растения и животные безжалостно уничтожались. (Как мы увидим в Гл. 7, уничтожение видов, конкурирующих с людьми за расширение несущей способности, — важный пример того, как человечество на протяжении своей истории старалось повернуть вспять ход экологической эволюции). Некоторые виды были оттеснены на грань вымирания или полностью истреблены. Королевский бизон, когда-то в большом количестве бродивший по прериям, почти стерт с лица земли. Судьба койотов и пумы не лучше, т.к. они охотились на тех же животных, что и люди. Последние сражались и с местным населением, пришедшим на американский континент на 20 тыс. лет раньше. Однако пионеров не интересовал антропологический аспект этого противостояния; они просто искали для себя лучшей жизни. Индейцы представляли для них часть дикой природы Нового Света.

С экологической точки зрения конкуренцию человеку в Новом Свете составляли прежде всего другие биологические виды. В Старом Свете, где несущая способность (и культура) *Homo sapiens* была уже практически исчерпана, условия существования определяла

конкуренция между человеческими особями. Это принципиальное различие между двумя мирами (несмотря на всю его схематичность) много значило для первых американских поселенцев и европейцев, мечтавших о неограниченных возможностях. Как заметил социолог У.И. Томас, "если люди относятся к ситуации, как реально существующей, это приводит к вполне реальным последствиям" [3]. Американская мечта была вполне реальной, даже когда наступило всеобщее разочарование и люди увидели реальное расхождение между мечтой и жизнью.

С самого начала в американском обществе, как и в остальном мире, присутствовало лицемерие, жестокость, преступления. На "диком Западе" авантюристы и охотники ставили капканы, разведывали недра, столбили участки и отстаивали границы завоеванных территорий. Процветал бандитизм. В новой нации смешались многие народы, образовался культурный плюрализм; однако возникло и местное самоуправство, линчевание, не говоря уже о рабстве. Вспыхнула гражданская война, затем пришли авантюристы с севера, последовали сегрегация и дискриминация. В постэкзуберантную эпоху американцы должны по-новому взглянуть на темные стороны своей истории. Но нельзя забывать (см. тип IV, Табл. 2) и то, что ранние поселенцы действительно хотели изменить ситуацию к лучшему. Они искали перемен. Некоторое время все искренне верили, что Америка — настоящий "плавильный котел", в котором путем переплава различных народов получится яркий, крепкий сплав [4]. Молодая Америка верила в свою счастливую судьбу и приглашала обездоленных со всего света с тем, чтобы они "оставили мрачные берега" и приняли участие в построении новой нации. Чем больше прибудет людей, тем сильнее нация. Люди, разделявшие американскую мечту, не предполагали, что в один прекрасный день приглашение будет отменено и останется лишь поэтическая надпись на бронзовой табличке статуи Свободы в нью-йоркском заливе: "Пришлите бездомных и усталых ко мне, я озарю их путь и открою золотую дверь".

За 200 лет существования американской нации около 47 млн. иммигрантов приняли приглашение. Одно поколение иммигрантов сменяло другое, укрепляя веру в исключительность американской нации. Массовая иммиграция служила живым доказательством реальности американской мечты. Когда мы хотели выразить эту мечту, мы обращались к Томасу Джефферсону, который простыми, доходчивыми словами выразил надежду людей на создание новой, счастливой нации. Это должна была быть нация, состоящая из людей с равными правами на жизнь, свободу и достижение счастья. Люди, однако, могли отличаться тем, как использовали свою свободу, насколько эффективно достигали своего счастья.

Основание для мечты

Покупка Луизианы президентом Джефферсоном у Франции добавила к Соединенным Штатам область, равную по величине восьми Британиям. Джефферсон, объясняя Конгрессу свою сделку, заявил, что эти плодородные и обширные земли будут способствовать "поддержанию будущих поколений и широкому распространению свободы и справедливых законов". Создается впечатление, что автор Декларации Независимости знал, что права человека остаются неотъемлемыми только в случае сохранения низкой плотности

населения" [5].

Теперь, с высоты нашего положения, можно представить, насколько американцы лучше поняли бы своего президента, если бы были вооружены экологическим словарем: избыток несущей способности ускоряет развитие и способствует поддержанию демократических институтов, дефицит несущей способности ослабляет указанные институты. Если бы такое знание было доступно, наши политики направляли бы свои усилия прежде всего на поддержание избытка и предотвращение дефицита несущей способности.

Американцы, будучи незнакомы с законами экологии, пытаются объяснить различие между их "страной неограниченных возможностей" и странами, из которых они иммигрировали, с помощью традиционных политических и идеологических понятий. При этом они забывают главное: свобода, предлагаемая Америкой, не была исключительно свободой политической. Европа была перенаселена, Америка предлагала много свободного пространства.

Говоря экологическим языком, американская мечта выражала стремление к изобилию, характерное для любых биологических особей, вступающих в новую среду обитания и способных быстро к ней приспособиться [6]. Человеческие существа преувеличили свою (иллюзорную) видовую уникальность, вступив в более благоприятную среду Нового Света. "Уникальность" *Homo sapiens* будет специально рассмотрена позднее. А пока замечу, что подобная эйфория охватывает и другие биологические виды, получающие доступ к привлекательной, но ранее недоступной, среде обитания. До тех пор, пока вступающие на чужую территорию особи остаются в незначительном количестве и поддерживаются новой средой, они могут свободно занимать территорию, т.к. конкуренция со стороны других членов незначительна. При избытке ресурсов, может даже отсутствовать внутривидовая конкуренция.

Заметим, что слово "изобилие" имеет двоякий смысл. Оно может относиться как к эмоциональному, так и экологическому аспекту. Два аспекта связаны между собой. Приведу некоторые синонимы этого слова: "роскошь", "излишество", "богатство", "избыток". Эти слова отражают экологический смысл изобилия — расточительную эксплуатацию богатых возможностей. Другими синонимами могут служить такие слова, как "возбуждение", "кипение", "волнение", "энтузиазм". Эти слова передают эмоциональное возбуждение — настроение, близкое к эйфории.

Следовательно, экологический аспект приводит к аспекту эмоциональному. Что и произошло с американцами. Новая несущая способность обнадежила и вызвала сверхоптимистическое настроение у тех, кто собирался свободно эксплуатировать избыток ресурсов и новые возможностей. Так, американская история продемонстрировала зависимость политической свободы от экологических законов.

Оба вида изобилия — экологическое и эмоциональное — должны были иметь временный характер, поскольку неотвратимо приводили к изменению условий окружающей среды.

В 1896 г., перед тем, как Соединенные Штаты, отобрав у Испании ее заморские владения, взяли на себя роль мировой империи, появилось пророческое эссе по данной проблеме

йельского социолога Уильяма Грэхэма Самнера. Отец Самнера иммигрировал в Новый Свет из Англии в поисках работы, которой в Америке было предостаточно. Самнер в свою студенческую бытность жил в Швейцарии, Германии и Англии, и хорошо понимал различие между старой перенаселенной Европой и необъятной и сильной Америкой, превращавшейся в индустриальную державу. Избыток несущей способности, приобретенный в результате захвата территорий, начинал подкрепляться открытием новых месторождений. Самнер озаглавил свое эссе "Голод Земли" [7], в котором высказался против политического империализма. Он полагал, что у Соединенных Штатов достаточно территориальных ресурсов и нет никакой необходимости их увеличивать. В целом, его эссе представляет собой проникновенный анализ зависимости демократических институтов от благоприятных экологических обстоятельств. Предупреждение, оставленное Самнером, к сожалению, осталось незамеченным.

Незамеченное предупреждение

Благосостояние человеческих сообществ в большой степени зависит от соотношения между ресурсами и количеством населения, и Самнер это понимал. Это соотношение ограничивает пределы цивилизации и возможности комфорта. По разным причинам этот факт практически не был замечен. Указанное соотношение изменяется также во времени. Страны изменяют свои границы. Но даже, если бы границы и оставались неизменными, количество людей непостоянно. Более того, как показано в Гл. 2, технологические усовершенствования влияют на производительность одного акра, а, следовательно, численность населения. Хотя Самнер не пользовался экологической терминологией, он понимал, что земля может иметь большую несущую способность благодаря большей эффективности ее использования. Накопление знаний увеличивает способность людей манипулировать природными процессами. Создание человеческих организаций также увеличивает нашу способность извлекать больше ресурсов из единицы площади [8].

Таким образом, несущая способность континента не является строго фиксированной; кроме того, ее непросто рассчитать. Однако она не бесконечна. По мнению Самнера для заданной площади, определенного уровня знаний и организации существует обратная пропорциональность между (экологически) устойчивым количеством населения и уровнем жизни. В период

увеличения производительности (когда население значительно меньше предела несущей способности), обратное соотношение между плотностью и благосостоянием, по-видимому, не выдерживается. Но со временем, оно начинает проявляться все сильнее.

Все это было ясно Самнеру и казалось фундаментальным, однако его соотечественники пытались объяснить свой высокий уровень жизни и свободу совершенно другими причинами. В 1896 г. Америка находилась еще в фазе изобилия. Самнер ранее других осознал, что все виды социальной дезорганизации и волнений ведут к подрыву несущей способности окружающей среды, уменьшению числа людей на заданной площади или снижению уровня жизни. Большинство людей не задумывалось об этих проблемах, пока можно было расточать избыточную несущую способность. Все конфликты и войны, по

мнению Самнера, демонстрируют противоречие между ростом населения и уровнем жизни. Это противоречие оставалось незамеченным для американцев в Эпоху Изобилия, когда проблемы перенаселения казались такими далекими. Не замечалось оно и многими европейцами, т.к. Америка служила для них некоторой отдушиной.

Когда плотность населения мала, равенство между людьми целесообразно и вполне достижимо. Каждый человек представляет собой экономическую ценность; и, как следствие, его сложно подчинить остальным. Классовое различие размывается в этих условиях. Самнер старался показать, что демократия в Европе и Америке обеспечивалась прежде всего низкой плотностью населения в Новом Свете. Избыток земли в западном полушарии оказал влияние на рынки земли и рабочей силы. Зарплаты поднимались, цены на продукты снижались, стоимость аренды земли поддерживалась на самом низком уровне. Власть европейца-латифундиста ограничивалась доступностью к земле в других местах, которыми он не распоряжался. Напротив, европейцы стремились объяснить свою свободу новыми доктринами, не видя того, что институциональные и доктринальные перемены вызваны существенным снижением демографического стресса.

Задолго до того, как Томас Кун написал о власти парадигм, Самнер указал на ошибочные доктрины, которые узаконивают нарушения, оправдывают преступников, замедляют общественный механизм, растрачивают усилия и уменьшают несущую способность среды. Главная причина того, что мы подчиняемся этим доктринальным "палкам в колесах", говорит Самнер, состоит в том, что мы не понимаем скрытых механизмов, определяющих поведение общества. Научный поиск раскрывает для нас смысл той или иной доктрины и помогает избежать лишних затрат и быстрее добиться счастья.

Самнер, будучи профессиональным изобретателем доктрин (т.е. священником Эпископальной церкви), в начале своей карьеры верил, что благосостояние и свобода обеспечиваются главным образом идеологией, а не низкой плотностью населения. Но эта вера мало чем отличается от веры дикаря в то, что амулет гарантирует успех в охоте и рыболовстве. Позднее Самнер осознал, что доктрины могут только уменьшать несущую способность, т.к. способствуют расхищению ресурсов. (Государства могут, например, воевать друг с другом по идеологическим соображениям, а война или подготовка к ней, это всегда растрачивание ресурсов. Через восемьдесят лет после выхода эссе "Голод Земли", в год, когда американский народ праздновал двухсотлетие своей независимости, многие страны мира — включая и США — усиленно поглощали ресурсы для создания арсенала оружия, состоящего из 35 000 самолетов, 124 000 танков и более 12 000 кораблей. Общий запас ядерного оружия был таков, что на каждого жителя 4-миллиардного населения Земли приходилось по 12 тонн в тротиловом эквиваленте [9]. (Если годовой валовой национальный продукт Соединенных Штатов первой половины 20-го века выразить в долларах 1976 г., средняя цифра не превысит общие мировые затраты на вооружение в 1976 г. [10]).

Самнер считал, что доктрины могут быть тяжелой ношей для человечества; опутывая традициями и престижной стариной, они лишают современное поколение способности видеть факты такими, какими они есть.

Безысходность и растерянность

С некоторыми фактами было тяжело. Через семьдесят два года после выхода эссе Самнера, английский романист и физик Ч. П. Сноу, путешествуя по миру, отметил, что везде люди чувствуют безысходность и тревогу. Никто не питает к будущему никаких иллюзий. После четырех столетий изобилия, человечество настолько расплодилось и усложнилось в технологическом отношении, что попало в собственные сети. Каждый из нас сегодня наносит ущерб глобальной системе жизнеобеспечения.

Для многих идея радикальных изменений в отношениях между человеком и природой кажется немыслимой. Но даже самые обычные и на первый взгляд непредосудительные методы использования ресурсов в настоящее время являются угрозой для окружающей среды и нашего вида. Мир испытывает колоссальную перегрузку. Обратное соотношение между количеством населения и благосостоянием человечества проявляется в полной мере. Экологический стресс приводит к дефициту, инфляции и безработице, а они в свою очередь ведут к голоду, вынужденной миграции и политическим волнениям.

Несмотря на это, многие мировые лидеры продолжают придерживаться парадигмы изобилия. Например, Папа на Всемирной конференции по продуктам питания в Риме в конце 1974 г. заявил: "Недопустимо, чтобы те, кто управляет богатством и ресурсами человечества, пытались решить проблему голода за счет ограничения рождаемости среди бедных" [11]. Из этого заявления видно, что "несущая способность", "перегрузка" и "истощение ресурсов" не входят в словарь Папы.

Таким же анахронизмом прозвучало выступление замминистра сельского хозяйства Китайской Народной Республики, который утверждал, что индустриальные страны провоцируют кризис продуктов питания [12]. (Его словарь был всецело политическим и не позволил ему увидеть истину: если индустриальные страны и поступают так, то это обусловлено их зависимостью от кажущихся площадей; замминистра не был озабочен истощением временной несущей способности). Когда он поздравил страны-экспортеры нефти с "победой" над индустриальными странами, стало ясно: его ум всецело поглощен политической борьбой.

Уход от реальности не ограничивается расстроенными потребителями. Дин Раск, госсекретарь при президентах Кеннеди и Джонсоне, смотрел на мир под тем же углом. Бедность, которую испытал в детстве будущий выпускник колледжа Роудс, декан, армейский полковник, глава фонда и госсекретарь, вынудила его ходить в школу босиком. Его личный опыт "выхода в люди" привел его к убеждению, что таков путь эмансипации всех бедных. По словам Дэвида Халберстама, Раск был уверен, что детство радикально преобразуется благодаря "образованию, технологиям, администрации и электричеству". Раск отказывался верить в то, что бедные страны не смогут достичь американского уровня жизни: "Я знаю, что это не так по моему личному опыту" [13].

Миссионеры падения нравов

Разрушительный потенциал нереалистических надежд на всеобщее изобилие отмечался и в прошлом. Социолог Колумбийского университета Роберт К. Мертон, сам поднявшийся с низов, указывал в статье 1949 года "Социальная структура и антагонизм": "Когда система культурных ценностей главной целью видит достижение успеха для всех членов общества невзирая на структурные ограничения и препятствия, возникают предпосылки для девиантного поведения среди значительной части населения."

В постэкзуберантном мире взгляды Горация Олджера²¹ отражали устремления тех, кто отрицает любые объективные законы. На всех континентах предпринимались попытки достичь процветания любым способом. Как и предвидел Мертон, невозможность достигнуть цели социально приемлемыми способами подталкивала к падению нравов — "разрушению институтов и допустимых норм" [14]. В мире, где успех для многих стал недостижим из-за недостатка несущей способности, призывы добиваться экономического развития естественно вызывали отчаяние и падение нравов.

Столкнувшись с непредвиденными и сомнительными результатами своих усилий, многие благонамеренные миссионеры из экономически развитых стран либо игнорировали реальность (Тип V), либо становились откровенными циниками (Тип IV).

На пути к хаосу

Иллюзия неограниченных возможностей экономического развития частично была поддержана такими документами, как Хартия ООН. В соответствии с принятой в 1945 г. преамбулой Хартии, страны выразили готовность не только "спасти будущие поколения от несчастий и войн", "обеспечить социальный прогресс, повышение уровня жизни и большую свободу", но также "использовать международные механизмы для повышения экономического и социального благосостояния всех людей" (курсив мой). Если учесть, что ограничения планеты ставят под сомнение достижение этих целей, по Мертону выходит, что пожелания, высказанные в преамбуле Хартии, — прелюдия к глобальному падению нравов.

21 Американский писатель 19-го века, провозгласивший лозунг "Strive and Succeed", т.е. "Всегда стремись к успеху!", ставший на многие годы философией американцев. — Прим. перев.

Но люди с добрыми намерениями пошли еще дальше по направлению к хаосу. В декабре 1948 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую Декларацию прав человека. В ее преамбуле опять провозглашается, среди прочего, о готовности "способствовать социальному прогрессу и повышению уровня жизни", а в Статье 25, Раздел 1, говорится (курсив мой): "Каждый человек имеет право на уровень жизни, обеспечивающий здоровье и благосостояние ему и его семье, включая достаточное питание, одежду, проживание, медицинское обслуживание и необходимые социальные услуги, а также право на страхование на случай безработицы, болезни, потери трудоспособности, потери супруга, старости или потери работоспособности по причинам, от него не зависящим". Однако поскольку в постэкзуберантную эпоху уже невозможно остановить снижение несущей

способности и конец изобилия, Всеобщая Декларация практически провозгласила независимость экологического базиса от целей человеческой жизни.

Не сомневаясь в своей правоте, Генеральная Ассамблея ООН приняла в 1960 г. Декларацию о Независимости колониальных стран и народов. Среди некоторых экологически сомнительных положений, мы находим провозглашение о том, что все люди могут "свободно определять свой политический статус и свободно стремиться к экономическому, социальному и культурному развитию". Далее говорится, что "недостаточные политические, экономические, социальные или образовательные условия" не могут служить "оправданием для отказа стране в ее независимости" (курсив мой). Следует иметь в виду, что здесь экономическая отсталость преподносится как выдуманная, а не реальная причина для отказа в независимости. Повторяю: мы опять сталкиваемся с непониманием того, что реальные ограничения не позволяют достичь поставленных целей в постэкзуберантном обществе.

В 1962 году бывший бельгийский протекторат в центрально-восточной Африке стал независимым государством Бурунди. Рядом другой британский протекторат получил статус государства Уганда. Но высокие надежды и добрые намерения ООН не спасли человечество от извращений. В конституции Бурунди есть ссылка на Всеобщую декларацию прав человека, подобная ссылка (билль о правах) есть и в конституции Уганды. За этим последовал взрыв бесчеловечности в обеих странах, который вполне согласуется с высказыванием Мертонa: стремиться к достижению неоправданно высоких целей при ограниченных ресурсах — все равно, что играть с динамитом.

В настоящее время стало почти общепринятым мнение, согласно которому, без достаточной помощи, страны третьего мира не могут подняться до статуса индустриальных. Официальные отчисления этим странам со стороны Организации за экономическое развитие и сотрудничество (OECD)²² более чем, удвоились. В начале 1970-х годов Пол Дж. Хоффман, управляющий Программой развития ООН, высказал убеждение, что "в 1960-х годах был заложен крепкий фундамент для создания новой, улучшенной экономики стран с низким доходом". По его мнению, для окончания этого жизненно важного процесса построения нового общества достаточно средств. Остается только проверить, насколько широко все страны, богатые и бедные... желают сотрудничать в целях достижения значительного прогресса" [15].

22 Организация западных стран, поддерживающих экономическое развитие в странах "третьего" мира. — Прим. перев.

Старая пословица гласит: "Если есть желание — найдется и способ". Однако она справедлива, когда ресурсы не растрочены, а окружающая среда не налагает ограничения. В противном случае она отражает устаревшую и опасную парадигму "рога изобилия" и вряд ли может служить ориентиром для политиков постэкзуберантного мира.

Дозэкологическое мышление не позволяет западным лидерам понять, что Соединенные Штаты и другие индустриальные страны не должны экспортировать свой успех. Тем не менее, им уже удалось заразить страны третьего мира желанием стать экономически

развитыми, без оглядки на мировые ресурсы. Уилард Л. Торп, в течение пяти лет занимавший пост председателя Комитета OECD по экономической помощи, писал в 1971 г., что "экономический рост стал целью всех стран и поддерживается населением. Это в особенности справедливо для слаборазвитых стран. Лидеры этих стран обычно обещают большой экономический рост сразу же после обретения независимости. Однако многие из них будут вынуждены скоро уйти в отставку из-за неспособности выполнить обещания и в целом поднять уровень жизни населения" [16].

Не удивительно, что неоправданные ожидания приводят к вспышкам геноцида, как, например, в Бурунди, или в Уганде (в последнем случае пришедший к власти деспот изгнал из страны лиц азиатского происхождения для того, чтобы черные угандцы приобрели их собственность). Такое извращенное понимание изобилия уже предсказывалось Мертоном, когда он анализировал экологические причины беззакония.

Природные ограничения

Если природные ограничения не признаются населением, это не значит, что они отменяются. Какой бы парадигмой мы ни пользовались, факт остается фактом: для доставки эмигрантов в Новый Свет потребовались корабли, для превращения Нового Света в индустриальную державу — природные ресурсы. (Добавим к этому, беспрецедентную взаимную терпимость, позволившую обойтись без особых жертв²³, а также промышленную революцию, в результате которой "белоснежные города засияли, а люди возрадовались"²⁴).

Ограничения имеют место вне зависимости от желаний людей. "Страусы" в госдепартаменте или ООН, будучи в плену парадигмы изобилия, откровенно отрицали наличие природных ограничений, тем самым оказывая медвежью услугу народам, которым собирались помочь. Для того чтобы увидеть недостижимость всеобщего процветания нужно владеть новой экологической парадигмой. Последствия от такой "погони за недостижимым" привели к большим бедам, причины этих бед непонятны и по сей день. Большинство бедных стран никогда не смогут стать богатыми. Богатые же страны только-только начинают осознавать, что в окружении бедных, они не в состоянии оставаться богатыми.

23 Если не считать индейцев и дикую природу. — Прим. перев.

24 Последние строчки американского гимна "Америка прекрасная": " Пусть твои белоснежные города засияют, а люди возрадуются ! (Thine alabaster cities gleam undimmed by human tears!). — Прим. перев.

В семидесятых упаднические настроения охватили многих американцев, веривших в свою счастливую звезду. Возникло большое недоверие к будущему. И это произошло не по причине потери идеалов, а от столкновения с реальностью и запоздалого отрезвления в отношении вечного прогресса.

Для возрождения веры в будущее слова не помогут, да и в прошлом она зижделась не на словах, а на избыточной несущей способности. Устаревшая парадигма не позволяла понять,

что в ограниченной природной среде Эпоха Изобилия лишь временный этап для любого биологического вида, в том числе человека. Но будем снисходительны к нашим предкам, не сумевшим в свое время предвидеть стресс, в котором оказались потомки.

Жить в сумерках американской мечты и роскоши становится все болезненнее. Перенаселенный мир легко превращается в мир антагонизма, в котором люди пытаются "отомстить" друг другу. Одни акты терроризма порождают другие акты терроризма. Но ненависть не может служить решением, даже в такой безвыходной ситуации. Положительную роль в этом случае может сыграть ностальгия. Нам не следует смеяться над памятью, поддерживающей мужество и сострадание. Определенный тип ностальгии может стать естественным и разумным ответом на необратимые перемены, происходящие в стране или в мире, — аналогично тому, как она появляется у стареющего человека.

Американцы, в некотором роде, пострадали более всех из-за разрушения своей мечты, поскольку жили богаче других. Культивируя благородный тип ностальгии, возможно, нам удастся сохранить представление о "нации без слез" и о братстве людей, как высших ценностях, несмотря на пролитую кровь в Далласе и Мемфисе, или нефть на побережье Санта-Барбары.

Не все было плохо в молодой Америке. Колонистам Нового Света удалось создать новую, многообещающую форму правительства. Эта земля действительно обеспечила рай для миллионов неимущих и дала убежище от религиозной и политической тирании. Американцы предприняли колоссальные усилия, чтобы отречься от доктрины эксплуатации человека человеком, и с трудом залечили раны, нанесенные рабством. Американцы действительно завоевали Запад, но он оказался далеко не таким, как его представляли по телевидению. Великая нация создавалась на лоне дикой природы и люди вначале берегли ее богатства. Нация честно стремилась сохранить красоту тридцати национальных парков, в память о первых поселенцах. Она щедро пыталась поделиться со всеми опытом освоения Запада, причем в отличие от сомнительных культурных ценностей, экспортируемых за рубеж, опыт создания национальных парков был с благодарностью принят другими странами [17].

До последнего времени граждане самой зажиточной страны не понимали, что идеология американских пионеров не может существовать вечно и должна коренным образом измениться. Следующая за ней неизбежная сукцессия, или смена парадигмы, возникающая не по прихоти людей, а вследствие естественных процессов, обсуждается далее.